

ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА КУЛЬТУРНОЙ ПАМЯТИ

Рунаев Тимофей Александрович

магистрант

Кубанский государственный университет, Краснодар

Аннотация. В статье показывается роль культурной памяти в формировании коллективной идентичности. Автор рассматривает ритуал и процесс «канонизации» как способы перехода воспоминания от индивидуального к культурному уровню памяти.

Ключевые слова: социальная идентичность, глубина памяти, коммеморация.

GENERAL CHARACTERISTICS OF CULTURAL MEMORY

Runaev Timofey Alexandrovich

undergraduate

Kuban State University, Krasnodar

Abstract. The article shows the role of cultural memory in the formation of collective identity. The author considers the ritual and the process of «canonization» as ways of transferring memories from the individual to the cultural level of memory.

Key words: social identity, deep of memory, commemoration.

Научные искания всегда стремятся найти первоисточник, который порождает дальнейшие сущности или явления, поэтому будет вполне обоснованным попытаться выявить начало социальной группы, которая претендует на передачу памяти в течение длительного времени. Для этого попытаемся задать себе вопрос: «Кто я такой?» Мы можем прилагать огромные усилия, записывая на листы бумаги мемуары или погружаясь в эмоциональность устного повествования, но, независимо от предложенных нами вариантов, ответы будут показывать наше самоопределение в мире. Иными словами, человек, задающий этот вопрос, будет ставить отличие себя от внешней действительности, так как он начнет мысленно видеть границу себя и всего остального. Аналогичный процесс происходит с совокупностями людей: только тогда люди могут ощущать себя в качестве одного целого, когда они проводят различие себя от другого, тем самым выстраивая бинарную оппозицию «свой» – «чужой».

Однако способны ли мы узнать, когда конкретный человек стал осознавать себя и свою мысль? Попробуем вспомнить это значимое событие, в момент которого зарождалась наша идентичность, и мы сразу потерпим неудачу. Ясно одно: такой момент содержит в себе первую встречу индивидуального сознания с чуждым «Другим». Поскольку человек лишается единства мышления и бытия, постольку он испытывает травмирующее событие, которое является точкой отсчета индивидуальной идентичности. Этот акт творения себя можно назвать «внепамятным прошлым», которое не может быть ни вспомненным, ни забытым [1]. Такой момент самоопределения можно увидеть и в формировании социальных групп. Мы не способны сказать, когда имело место мгновение, в котором совокупность людей стала осознавать себя в качестве единого целого, но все же в историческом процессе произошел момент, в ходе которого общность провела границу, внутри которой поставила себя. Поэтому в центре конструирования групповой идентичности также нахо-

дится травмирующее событие, которое выявляет начало социальной группы. К примеру, в России травматическим прошлым выступает Великая Отечественная война, которая забрала миллионы жизней советского народа, – это надлом сознания, который бесспорно является главенствующим элементом в формировании современной идентичности россиян [2]. При этом для каждой этнической группы будет существовать свое событие, которое наделяется сакральным значением. Если для российского гражданина 25 апреля 1915 г. не выступает ключевой датой, то для австралийца – это момент рождения его народа, который обусловлен неудачной высадкой экспедиционного корпуса британских войск в Галлиполи [3].

Для того чтобы травмирующее событие не уходило в забвение, начинается создание ритуалов, которые должны поддерживать социальную стабильность в обществе. Ведь именно во время проведения ритуала происходит приобщение человека к другим членам общества – именно в этом действии наблюдается социальная солидарность [4]. Кто будет думать о социальном неравенстве или правовой несправедливости в минуту молчания? Кто будет выкрикивать антиправительственные лозунги в период проведения акции «Бессмертный полк»? Именно в ритуальных актах заключается концентрация коллективного сознания в общей ячейке памяти. Однако для того, чтобы облегчить сохранение и вспоминание информации о прошлом, общество создает места памяти – материальные объекты, в которых заключены смысловые конструкции, понятные для всех представителей данной социальной группы. Таким образом, травмирующее событие, «внепамятное прошлое», обретает память, главная функция которой – передать ценности, определяющие идентичность, сквозь ленту времени.

Опорные точки культурной памяти «канонизируются», то есть становятся сакральными и шаблонными в восприятии событий прошлого. И если говорить о глубине памяти, то такие каноны находятся на поверх-

ности – они просты в понимании, и их легко передавать на коммуникативном уровне [5]. Однако чем глубже мы опускаемся, тем сложнее увидеть факты, так как они становятся более детализированными. Но не исключено, что в любой миг с помощью внешних сил глубинный факт может подняться на поверхность и стать каноном, который начнет играть отведенную ему роль в конструировании коллективной идентичности. В конечном итоге из совокупности мест памяти, ритуалов и процессов «канонизации» складывается традиция вспоминания, которая должна передавать интерпретации прошлого во времени и пространстве. Но при регулярном действии традиции происходит рутинизация коммеморативных практик, в результате чего остается только внешняя сторона традиции вспоминания с утратой содержательной составляющей.

Человек не может существовать без общества – общество не способно функционировать без человека. Аналогичный тезис будет характерным для памяти, поскольку один уровень памяти не может существовать без другого. По своей природе уровни памяти имеют схожие черты. Повседневные практики отдельного человека проходят процесс сжатия – коллективные коммеморативные действия подвергаются такому же акту. Причина тому заключается в неспособности памяти хранить все события прошлого, поскольку, в противном случае, сознание превратилось бы в грудку ненужного мусора. Но несовершенство памяти обусловлено также тем, что оно напрямую зависит от ее носителя, поэтому как на индивидуальном и коммуникативном, так и на культурном уровнях создаются материальные хранилища, которые должны перенести воспоминания в стремительном потоке времени. Однако индивидуальный уровень является более глубоким и детализированным в восприятии фактов прошлого. Ведь каждый человек имеет свою неповторимую идентичность, так как его память наполнена массой уникальных и единичных фактов. Но с переходом в пространство социальных групп глубина памяти становится меньше, а воспоминания – более схематичными и упрощенными.

Вследствие чего, люди, которые на индивидуальном уровне могут помнить совершенно противоположные события из повседневных реальностей, на культурном уровне способны иметь единое воспоминание, которое формирует пространство коллективного сознания. В итоге сознание человека имеет свойство перемещаться по уровням памяти, что позволяет увидеть прошлое своей социальной группы в различных ракурсах и создавать собственную уникальную идентичность.

Список использованных источников

1. Бернет Р. Травмированный субъект // (Пост)феноменология: новая феноменология во Франции и за ее пределами / сост. С.А. Шолохова, А.В. Ямпольская. М., 2014. С. 125-128.
2. Стрекалова Е.Н. Лакуны исторической памяти: детство военного времени 1941-1945 годов по устным воспоминаниям // Вторая мировая война в детских «рамках памяти»: сборник научных статей / под ред. А.Ю. Рожкова. Краснодар, 2010. С. 341-342.
3. Winter J. Sites of Memory and the Shadow of War // Cultural Memory Studies. Berlin. N.Y., 2008. P. 63.
4. Вульф К. Производство социального: ритуал, эмоции, воспоминания // Журнал социологии и социальной антропологии. 2010. Т. 13. № 3. С 31.
5. Шестов Н.И. Политико-мифологическая детерминация «глубины» исторической памяти // История и историческая память: межвуз. сб. науч. тр. / под ред. А.В. Гладышева. Саратов, 2015. Вып. 11. С. 13-14.